
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1895 г.

— Очерки политико-экономической литературы, Н. X. Бунге. Спб. 1895. 495 стр.

Немногимъ, конечно, экономическимъ трудамъ въ нашей литературѣ за послѣдніе года было суждено привлечь къ себѣ общественное вниманіе въ такой степени, какъ названной выше книгѣ. Многолѣтняя ученая дѣятельность автора, сопровождаемая на всѣхъ его путяхъ всеобщимъ уваженіемъ, практическая его дѣятельность на государственномъ поприщѣ, ознаменованная цѣлымъ рядомъ благотѣльныхъ иѣропріятій, — въ качествѣ бывшего министра финансовъ, — все это вмѣстѣ естественно обуславливаетъ и вызываетъ особый интересъ къ новому научному изданію его трудовъ.

Скромность, присущая автору во всей его почтенной дѣятельности, отличаетъ и его новое произведеніе. Издавая, подъ названіемъ: „Очерки политико-экономической литературы“, свои прежнія изслѣдованія, разбросанныя въ старыхъ повременныхъ изданіяхъ, но съ значительными прибавленіями и общимъ пересмотромъ, Н. X. Бунге выступаетъ здѣсь чисто какъ профессоръ, преданный всецѣло своей наукѣ. Онъ далекъ и въ данномъ случаѣ отъ разработки практическихъ вопросовъ, чего, можетъ быть, многіе наклонны были ждать въ виду его обширной и разнообразной государственной дѣятельности; онъ ограничился, какъ то выражаетъ и въ своемъ предисловіи, на первый разъ областью теоретической, именно потому, что искалъ отдыха въ *работѣ мысли*, которая имѣетъ для него особую прелесть. Онъ вспоминаетъ при этомъ о слушателяхъ, память которыхъ для него дорога, о пережитой умственной жизни и о личномъ на себѣ вліяніи нѣкоторыхъ изъ господствовавшихъ за разное время политико-экономическихъ ученій. Съ строгою добросовѣстностью серьезнаго ученаго онъ сознается, какъ такіа увлеченія проходили, и онъ дѣлился съ своими слушателями убѣжденіемъ, что „знаніе приобрь-

тается не вѣрою въ догматы теоріи, выдаваемый за нѣчто несомнѣнное, а тщательнымъ анализомъ явленій и осторожными обобщеніями "... Почтенный ученый, путемъ многолѣтней научной дѣятельности, пришелъ къ заключенію, что теоріи часто господствуютъ не потому, что въ нихъ воплощаются непререкаемыя истины, а потому, что онѣ отвѣчаютъ современному настроенію, дѣлая часто выводы изъ смѣлыхъ гипотезъ, или возводя единоличныя явленія на степень общихъ фактовъ. Претензіи многихъ политико-экономическихъ ученій „сказать последнее слово въ наукѣ“—въ дѣйствительности не выдерживали часто первой серьезной критики; и лишь только теоретическій чадъ начиналъ разсѣваться, недостатки такихъ ученій становились наглядными, и всѣми признавались.

Такимъ образомъ, въ теченіе жизни автора произошла значительная смѣна теорій, которая, по справедливому его замѣчанію, хотя и не даетъ права заключить, чтобы все въ наукѣ было лишь условно, но во всякомъ случаѣ указываетъ, съ какою осторожностью должны производиться научныя изслѣдованія, и какъ далеко истиннолюбивій науку человекъ обязанъ держаться отъ односторонняго увлеченія быстро смѣняющимися научными доктринами, къ которымъ необходимо относиться всегда съ должнымъ запасомъ критики.

Настоящая книга написана ученымъ, и преимущественно для ученыхъ, или по крайней мѣрѣ интересующихся наукой, хотя изложеніе и отличается своей популярностью. „Я имѣю въ виду,—заключаетъ Н. Х. Бунге свое прочувствованное предисловіе къ книгѣ,—я имѣю въ виду изучающихъ политическую экономію, и если книга моя сослужитъ имъ такую же службу, какую и мнѣ, т.-е. *поможетъ имъ избавляться отъ иллюзій всестрмиряющихъ ученій и отъ мета нестрмиряющихъ доктринеровъ*, то цѣль моя будетъ достигнута вполне“. Въ заключеніе авторъ даетъ горькій, но справедливый совѣтъ по адресу нашего времени, выражая пожеланіе „каждому мыслящему человеку, серьезно относящемуся къ жизни и наукѣ, достоси до того, чтобы „смытъ свое сужденіе имѣть“...

Содержаніе самой книги настолько разнообразно и интересно, что никакъ не можетъ вмѣститься въ небольшой литературной замѣткѣ, и только той же скромности автора слѣдуетъ приписать названіе книги перепечаткой старыхъ статей, ибо въ дѣйствительности нѣкоторыя изъ нихъ совершенно переработаны, почти до неузнаваемости, другія же значительно дополнены, или появились вновь. На первомъ мѣстѣ книги стоитъ увлекательный, легко написанный и весьма обширный (200 стр.) историческій очеркъ экономическихъ ученій; здѣсь авторъ дѣлаетъ обзоръ экономической науки, начиная съ сѣдой классической древности (Платона и Аристотеля) и до со-

временнаго историко-статистическаго направленія въ политической экономіи, отличая изъ представителей послѣдняго спеціально Шмоллера и Вагнера, и оставляя очеркъ русской экономической литературы до слѣдующаго тома своихъ очерковъ; впрочемъ, изъ этой послѣдней авторъ съ особой похвалою упоминаетъ о двухъ трудахъ: книгѣ покойнаго Орлова: „О формахъ землевладѣнія въ московской губерніи“, и В. В.: „Итоги экономического изслѣдованія Россіи“. Вся вторая половина этого очерка въ значительной степени новая: особенно расширенъ и увеличенъ отдѣлъ о социализмѣ, гдѣ главное мѣсто занимаетъ изложеніе и критика ученія Маркса. Авторъ сжато, но просто и общепонятно, въ трехъ главахъ, передаетъ сущность трехъ томовъ „Капитала“, съ весьма дѣльными критическими замѣчаніями на содержащіяся въ нихъ противорѣчія и ошибки. Цѣлая глава посвящена также „государственному социализму“ и такъ называемому „социализму каеэдръ“; особая глава—исторической школы и, наконецъ, отдѣльная также глава—современному прогрессивному историко-статистическому направленію, въ коему авторъ обнаруживаетъ видимое влеченіе, сравнительно съ другими существующими направленіями въ экономической наукѣ.

Тему другого этюда составляетъ „теорія согласія частныхъ интересовъ“, или подробное изложеніе и критика началъ политической экономіи извѣстнаго американскаго ученаго Кэри; этюдъ этотъ когда-то былъ напечатанъ въ „Отеч. Запискахъ“, но въ настоящемъ случаѣ является опять-таки въ значительно переработанномъ и дополненномъ видѣ. Данный очеркъ особенно интересенъ, по нашему мнѣнію потому, что даетъ возможность, между прочимъ, сдѣлать нѣкоторые выводы о теоретическихъ воззрѣніяхъ самого критика Кэри, автора разбираемаго нами сочиненія. Такъ, уже на основаніи его XVII главы, трактующей о современномъ историко-статистическомъ направленіи въ политической экономіи, а равно и по внутреннему содержанію небольшого, впервые появляющагося въ настоящей книгѣ этюда: „Шмоллеръ о Менгерѣ“, можно заключить, что авторъ изъ всѣхъ описанныхъ имъ смѣнъ экономическихъ направленій признаетъ все-таки наиболѣе цѣлесообразною современную историко-статистическую школу, на нѣкоторыхъ представителяхъ которой онъ особенно останавливается. То же самое косвенно высказывается имъ и въ предисловіи. „Развить въ себѣ и своихъ слушателей—говоритъ онъ—духъ изслѣдованія и критики, а равно *научиться и научить другихъ собирать и обрабатывать матеріалы*, я всегда считалъ своей задачей“. Въ своемъ очеркѣ о Кэри онъ еще рѣшительнѣе выражаетъ ту же мысль, выставивъ заслугой Кэри именно обширное пользованіе историческими и статистическими данными для рѣшенія экономиче-

скихъ вопросовъ. „Подобно Рикардо, Кэри беретъ положеніе и развиваетъ его апіорически; но между тѣмъ какъ Рикардо не идетъ далѣе, Кэри оживляетъ гипотезу цѣлымъ рядомъ фактовъ, должствующихъ придать ей достовѣрность. Это дѣлаетъ книгу Кэри выдающимся произведеніемъ въ экономической литературѣ“.

Съ другой стороны, очеркъ о теоріи согласія частныхъ интересовъ Кэри даетъ возможность познакомиться и съ мнѣніемъ почтеннаго автора по одному у насъ случайно нынѣ модному вопросу— субъективности и объективности въ экономическихъ изслѣдованіяхъ. При всемъ своемъ уваженіи къ строгой наукѣ и предостереженіяхъ противъ увлеченій, авторъ довольно рѣшительно, повидимому, высказывается и противъ олимпійскаго спокойствія, проповѣдуемаго когда-то Кэри для руководства экономистамъ. Какъ извѣстно, этотъ ученый ставилъ экономическую науку на степень естествознанія: въ данномъ отношеніи, по мнѣнію Кэри, „отъ ученаго, занятаго изслѣдованіемъ общественныхъ урагановъ и законовъ ихъ появленія, нельзя требовать, чтобы онъ обращалъ вниманіе на людей, которые дѣлаются ихъ жертвами“. Въ своей критикѣ, Н. Х. признаетъ Кэри неправымъ. „Экономистъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ дѣло съ человѣческой природой, съ дѣятельностью людей, съ обстоятельствами, составляющими дѣйствіе нашего развитія, нашего сознанія и нашей воли, съ которой нельзя снять всей отвѣтственности. Поэтому экономистъ не можетъ остаться простымъ свидѣтелемъ человѣческихъ страданій и заниматься только одними логическими выводами—ему приходится быть безпристрастнымъ судьей и дѣйствій, въ которыхъ нарушается не законъ, но божественная и человѣческая справедливость. Ученый, когда рѣчь идетъ о благѣ и о счастьи человѣка, невольно вспоминаетъ о невинно гибнущихъ... Самъ Кэри, пытавшійся стать на точку зрѣнія естествоиспытателя, былъ проникнутъ глубокимъ сочувствіемъ къ индійскому райѣ и неумолимою ироніею къ славолібію французской націи“ (стр. 225).

Третій отдѣлъ книги составляетъ „Дж. С. Милль какъ экономистъ“. Важность этого имени въ наукѣ не требовала оправданія отъ автора для выбора своей темой очерка и критическаго разбора экономическихъ воззрѣній англійскаго мыслителя. Въ цѣлыхъ семи главахъ Н. Х. знакомитъ читателя съ сущностью его политической экономіи, подвергая вездѣ критическому анализу его воззрѣнія. Въ теоретическомъ отношеніи, изслѣдованіе о Дж. С. Миллѣ составляетъ какъ бы естественное дополненіе къ предшествующимъ очеркамъ, ибо много занимается важнѣйшимъ вопросомъ не только экономической, но и всякой науки,—методомъ изслѣдованія, чему посвящена авторомъ цѣлая глава. По справедливому его замѣчанію, „Политиче-

ская Экономія“ Милля есть прикладная часть его „Логики“, а потому, при критическомъ изученіи его началъ политической экономіи необходимо взять въ пособіе его „Систему Логики“. Заблужденія Милля по преимуществу логическаго свойства: они происходятъ или отъ погрѣшности самого метода, или отъ невѣрнаго примѣненія этого метода въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній бываетъ безупреченъ. Съ одной стороны,—объясняетъ авторъ,—Милль имѣетъ слишкомъ много вѣры въ апіорическое мышленіе, съ другой—онъ слишкомъ рѣдко останавливается на повѣркѣ методовъ теоретическими указапіями опыта. Общая характеристика Дж. С. Милля во введеніи къ этому этюду, можно сказать, превосходна, и при значительной краткости и сжатости, немногими штрихами вполне очерчивается, однако, значеніе этого замѣчательнаго экономиста и спеціально—причина его огромнаго и рѣдкаго успѣха. Благодаря именно своей сжатости, это небольшое введеніе въ изслѣдованіе Н. Х. Бунге, основанное на глубокомъ изученіи англійскаго мыслителя и большой симпатіи къ нему, невозможно передать своими словами, и пришлось бы выписать его цѣликомъ. Приведемъ только его нѣсколько словъ въ объясненіе извѣстныхъ своею снисходительностью воззрѣній Милля на социализмъ. „Снисхожденіе его къ социализму,—говоритъ нашъ авторъ,—происходитъ не отъ безстрастнаго отношенія къ разнымъ враждебнымъ направленіямъ, а отъ глубокаго чувства человѣчности. Имѣя очень много общаго съ тѣми государственными умами, которые не пугаются той или иной доктрины, и не приходятъ въ ужасъ, въ трепетъ, въ негодованіе—при одномъ словѣ социализмъ, Милль не въ силахъ отнестись даже съ холодною сдержанностью и строгимъ скептицизмомъ къ самымъ эфемернымъ ученіямъ, внушеннымъ желаніемъ блага и добра“...

Послѣдній, четвертый отдѣлъ, представляющій собой небольшой очеркъ подъ названіемъ „Шмоллеръ о Менгерѣ“, по своему содержанию, является какъ бы дополненіемъ къ послѣдней главѣ „Историческаго очерка экономическихъ ученій“, еще болѣе выдвигая то по справедливости важное значеніе, какое Н. Х. Бунге придаетъ берлинскому профессору Шмоллеру, какъ представителю современнаго историко-статистическаго направленія въ наукѣ.

Таково вкратцѣ содержаніе новаго изданія трудовъ Н. Х. Бунге; по ясности и полнотѣ изложенія, эти труды вполне доступны каждому читателю, сколько-нибудь знакомому съ экономическимъ языкомъ.

Въ предисловіи и вторично въ текстѣ авторъ выражаетъ надежду на продолженіе изданія другихъ его историко-экономическихъ трудовъ, и нельзя не пожелать осуществленія такой надежды: область вопросовъ, интересовавшихъ автора въ теченіе его трудовой жизни,

впослѣдствіи расширилась, а при пересмотрѣ прежнія его научныя работы получаютъ новое освѣщеніе, почерпнутое имъ изъ опыта высокопочтенной практической его дѣятельности, какъ государственнаго человѣка ¹⁾. — Ив. Янжуль.

— Е. А. Бѣловъ. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Спб. 1896.

Спеціалисты и любители русской исторіи съ большимъ интересомъ встрѣтятъ новый трудъ г. Бѣлова, давно составившаго себѣ извѣстность своими историческими изслѣдованіями. Темой этихъ изслѣдованій служили всегда внутренніе вопросы русской исторической жизни, по преимуществу въ московскія времена; понятно, что особенное вниманіе отдано имъ и въ настоящей книгѣ. Такъ какъ къ этимъ вопросамъ сводится прежде всего смыслъ историческаго изслѣдованія, то „Русская Исторія“ г. Бѣлова получаетъ особенное значеніе. Въ предисловіи авторъ замѣчаетъ: „Я долженъ предупредить читателей, что придерживаюсь мнѣнія покойнаго историка-юриста К. Д. Кавелина, что центральная фигура древней нашей исторіи—Іоаннъ Грозный“. Эту точку зрѣнія г. Бѣловъ высказывалъ не однажды и ранѣе; она вызвала возраженія которыя онъ не хотѣлъ оставить безъ вниманія, но замѣчаетъ, что настоящая книга можетъ служить отвѣтомъ на такія возраженія лишь настолько, насколько они касаются взглядовъ автора на Іоанна Грознаго, какъ на политическаго дѣятеля. Авторъ оговариваетъ и другой взглядъ на Грознаго, высказанный въ послѣднее время не съ политической, а съ психіатрической точки зрѣнія, какъ это сдѣлано было недавно въ книгѣ харьковскаго профессора Ковалевскаго. По поводу словъ профессора-психіатра, что пониманіе нѣкоторыхъ историческихъ событій весьма много облегчается при примѣненіи къ нимъ психіатрической точки зрѣнія, авторъ замѣчаетъ: „Съ этимъ можно было бы согласиться, еслибы психіатрами соблюдалось основное правило, при которомъ только и могутъ труды ихъ надъ историческими темами принести пользу, а именно: чтобы только твердо установленные психіатріей законы примѣнялись къ неоспоримымъ же историческимъ фактамъ, притомъ не отрывочно, а въ связи съ добытыми уже историческою наукою выводами. Между тѣмъ психіатрами, когда они берутся за историческія темы, это

¹⁾ Авторъ замѣтки писалъ въ Мариенбадѣ и отправилъ ее въ редакцію, не зная, что почти въ то же самое время, 3-го іюня, будетъ положенъ предѣлъ всякой надеждѣ на продолженіе изданія, о чемъ поминилъ Н. Х. Бунге (см. ниже: некрологъ). — *Ред.*